

— Кто там?

Хан Цзянсюэ кубарем сел на кровати. Пара хомяков по соседству даже ухом не повела.

Накинув одежду, он выбежал из комнаты. Но не успел малыш добежать до ворот, как заметил: крыша усадьбы провалилась!

Снежные хлопья густо валили в зияющую прореху. Белый покров на сизой черепице смотрелся откровенно сиротливо.

— Вот так дырища... Погодите, это же дом Бессмертного!

Разглядев, что рухнула кровля прямо над спальней Янь Фэйду, Хан Цзянсюэ торопливо припустил вверх по лестнице.

Только бы Бессмертного не придавило снегом!

Однако на полпути он замешкался: Янь Фэйду стоял внизу, на крытой галерее. Полы его длинных одежд касались пола, а сам он задумчиво разглядывал пруд под навесом.

Хан Цзянсюэ сначала облегченно вздохнул, но тут же снова перепугался:

— Почему ваша крыша обвалилась?!

Заяц отчаянно закружил у ног Янь Фэйду. Бессмертный и так слаб здоровьем, ему категорически нельзя оставаться без крова!

— Что за криворукие мастера строили вам дом?! На вид вроде ладно сделано, а тут на тебе — пробоина!

Янь Фэйду опустил взгляд на ушастого, крутящегося волчком зверька, нагнулся, подхватил его за шкурку и аккуратно поставил на перила.

— Я перенаправлял духовные потоки и случайно выплеснул слишком много силы.

Вообще-то, событие было добрым вестником. Усадьба Янь Фэйду строилась из духовных камней, и раз уж простой выплеск энергии расплавил кровлю, значит, Бессмертный скоро оправится. Его разбитый дух, полностью впитав воды Источника Возвращения к Жизни, пусть и требовал ежедневного сна, всё же восстанавливался — раньше-то Янь Фэйду проваливался в небытие на долгие месяцы.

Но кролик продолжал смотреть с нескрываемой тревогой.

Любой оборотень дорожит норой до судорог: сорвется один листочек — и то душа болит. Люди, конечно, произошли от обезьян и ценность гнезда давно позабыли, но нельзя же сквозь пальцы смотреть на дыру над головой!

— Я починю вам крышу! — забормотал зайчонок, гордо ударив себя лапкой в грудь.

Янь Фэйду оглядел хилое тельце Хана Цзянсюэ, вспомнил провал в потолке и невольно подумал: «Интересно, сколько же таких зайцев потребуется, чтобы заделать дыру?»

В этот момент от ворот снова донесся стук. Хан Цзянсюэ мгновенно вспомнил, от чего проснулся.

Брезжил рассвет. На краю неба пробилась бледная полоса, но вокруг царила мрачная тьма. Кто мог стучать в такую рань?

Ушастый округлил глаза: неужели вернулся кто-то из братьев-наставников?

— Я открою!

Не видя марионеток с духовным сосудом, Хан Цзянсюэ уже собрался сбегать вниз, но Янь Фэйду вовремя сгреб его за ворот.

Бессмертный качнул головой и приложил изящный указательный палец к губам, призывая к молчанию.

Хан Цзянсюэ приняхался. Неизвестно когда, но в морозном воздухе пополз едва уловимый сладковатый запах гнили.

Стук за воротами повторился трижды и затих. Затем раздался голос — скрипучий, хриплый, напившийся смертной немощью, точно у древнего старика:

— Эй, есть кто дома? Прохожий просит глоток воды...

У Хана Цзянсюэ шерсть встала дыбом.

Теперь он понял, отчего Янь Фэйду велел молчать. Снаружи стоял вовсе не заблудший даос, а Призрак, проникающий в дома. Как он только сюда пробрался?!

Открой хозяин на этот зов ворота — и тварь сочтет это приглашением. А переступив порог,

нечисть спустит с человека кожу, вырвет жилы и примерит чужую личину, чтобы вернуться в мир живых.

В людских байках оборотней и злобных духов часто валят в одну кучу, но настоящие демоны, идущие по Праведному Пути, лишь пьют духовную энергию небес и земли да спокойно совершенствуются в глуши. А про злобную нечисть, промышляющую кровопролитием, Хан Цзянсюэ только слышал — видеть не приходилось.

Не получив ответа на просьбу о воде, тварь затараторила:

— Прохожему бы лепешку черствую...

— Прохожему бы присесть, кости размять...

— Прохожий ранен, подайте снадобья...

Скрипучий говор становился всё быстрее и тоньше, пока не сорвался на дикий, жуткий визг, похожий на предсмертный хрип птицы с перебитым горлом. Нечисть явно чуяла живую душу и рвалась внутрь.

Люди толкуют, мол, черти бродят по глухим ночным дорогам, но на самом деле они чаще подстерегают на грани сна и яви — на самом предрассветном изломе.

Хан Цзянсюэ испуганно вцепился в ладонь Янь Фэйду, лежавшую на перилах. Вдруг Бессмертный тихо кашлянул.

Тварь снаружи уловила звук и пришла в неистовство. Стук перерос в глухие, тяжелые удары: казалось, еще немного — и дубовые створы сорвутся с петель.

Хан Цзянсюэ посмотрел на бледное лицо Янь Фэйду, спрыгнул с перил и быстро метнулся в свою комнату. Вернулся он уже с игрушечным деревянным мечом в лапках.

— Бессмертный! Ждите здесь, я сам с ним расправлюсь!

Некоторым котам дано не только мышей ловить, но и усадьбу стеречь!

Янь Фэйду поначалу изумился, но, глянув на деревянный клинок, с легкой улыбкой тихо наставил:

— Хорошо. Только помни: когда распахнешь ворота, скажи твердо: «Что бы ты ни просил, я ничего тебе не дам». Если уйдет — ладно, а коль нет — точи клинок.

Заяц решительно кивнул, сглотнул подступивший к горлу ком и распахнул ворота.

Существо снаружи не имело человеческого облика. Оно походило на ком густой тьмы или разлившуюся в воздухе тушь, искусственно вытянутую вверх. Тонкая, извивающаяся тень возвышалась над зайчонком.

— У прохожего перебиты руки и ноги, позвольте прилечь, сжальтесь, добрые люди... — бубнил Призрак, проникающий в дома. Голос ввинчивался прямо в уши.

Сжав деревянный мечик, Хан Цзянсюэ выкрикнул прямо в нечисть:

— Что бы ты ни просил! Я ничего тебе не дам!

Звуковая волна взбудоражила туманный сгусток. Тварь заколыхалась, едва не развеявшись по ветру, но всё же пересилила давление и шагнула вперед.

Пришлось обнажить оружие.

Хан Цзянсюэ подпрыгнул и с звонким кличем обрушил деревянный клинок на монстра!

Раздалось шипение, будто каленое железо опустили в студеноую воду. Треск и шипение рвались из нутра Призрака, проникающего в дома, даже тогда, когда кролик опустился на землю и выдернул меч.

Черная тень на глазах таяла, словно капля воды под палящим солнцем.

Заяц изумленно уставился на погибающую нечисть. Вдруг крошечная капля тёмной туши дернулась и в последнем отчаянном рывке метнулась прямо к нему!

Алый рукав заслонил обзор. Раздался тихий хлопок, рукав опустился — и перед Хан Цзянсюэ предстал Янь Фэйду.

— Бессмертный! Зачем вы вышли?! Он вас не ранил?

Янь Фэйду за всю жизнь толком и ранен-то не был, а уж мелочный призрак, проникающий в дома, для него — тьфу. Кабы не желание дать зайцу немного практики, он бы и дыханием его развеял.

— Всё в порядке, ты отлично справился. Впредь запомни: встретишь такую нечисть — не бойся. Бей сразу, они и одного удара не выдержат.

Янь Фэйду окинул взглядом притихшие холмы.

— А откуда здесь взялся этот призрак? — поинтересовался Хан Цзянсюэ. В его представлении всякая нечисть обязана была до смерти бояться Бессмертных.

Янь Фэйду тихо кашлянул, губы его чуть тронула улыбка:

— Дальше, возможно, их станет еще больше. Духовная энергия мира иссякает. Сюда, где раньше царила благодать, легко проникают демоны и духи, а из древних печатей, потерявших силу, вот-вот вырвутся великие демоны и небесные дьяволы.

Заяц судорожно вздохнул.

— Впрочем, сегодняшний гость...

«Явно подброшен», — мысленно закончил Бессмертный.

Янь Фэйду вгляделся вдаль. Его взор не знал преград: никакая нечисть не укрылась бы от него. В месте, где истаял призрак, проникающий в дома, оставалась крошечная капля туши, но и она растворилась на ветру.

Неужто прислали проверить, жив ли он ещё?

Помимо поднебесных орденов и закрытых обителей в мире совершенствования существовало и Облачное Море за Пределами Небес. Когда-то давно на мир смертных обрушилось нашествие демонов. Однако кланы из Облачного Моря вместо битвы воздвигли Небесную Лестницу и сбежали в вышину, бросив разоряемую землю. Там они преспокойно предавались совершенствованию, корча из себя истинных небожителей, чуждых мирской суете.

А теперь, ничего не добившись, вознамерились вернуться?

С чего бы вдруг такая милость? Нынешний мир держался на плечах тех, кто остался и выстоял в бою, а «бессмертные» из Облачного Моря к этому миру не имели никакого отношения.

Едва узнав об их намерении, Янь Фэйду решительно воспротивился возвращению беглецов, чем и навлек на себя их лютую ненависть.

В прошлый раз они подло ранили его, а теперь даже подослать живого человека трусили. Жалкие трусы.

— Ерунда, вернемся в дом.

Янь Фэйду хохотнул и сделал шаг, но застыл: ушастый, оказывается, уже обнял его за лодыжку и уткнулся пушистой щекой в полу одежд.

Хоть Хан Цзянсюэ появился здесь недавно, Янь Фэйду уже раскусил его натуру. Порода ласковых подлиз, не иначе.

— Заснуть я всё равно не смогу, так что давайте починю вам крышу! Заделаем дыру — и вы спокойно ляжете отдыхать! — заяц задрал мордочку. На щеке у него темнело пятнышко туши — должно быть, брызнуло при ударе.

Янь Фэйду не страдал брезгливостью, но аккуратность любил. Заметив его пристальный взгляд, Хан Цзянсюэ потрогал мордочку лапкой и обнаружил грязь:

— Ой, вымазался!

Заяц выпустил лодыжку Бессмертного и припустил во двор. Янь Фэйду подумал, что тот побежал за водой, но кролик со всего размаху уткнулся рожицей прямо в сугроб и зарылся в снег!

Умывался ушастый на редкость тщательно: от кончиков ушей до подбородка орудовал обеими лапками, и вскоре от пятна не осталось и следа.

Хан Цзянсюэ поднял голову и столкнулся с молчаливым взглядом Янь Фэйду, который тут же отвел глаза.

«Похоже, Бессмертному есть что сказать?» — подумал Хан Цзянсюэ.

В усадьбе, окруженной заснеженными персиковыми деревьями, едва рассвело, загремел стук.

Зайчонок и несколько марионеток с духовным сосудом ползали по крыше: забивали гвозди, крепили духовные камни, укладывали черепицу.

Хоть Янь Фэйду и возражал, дескать: «Я нанимал кота, не нужно утруждать себя тяжелой работой», — Хан Цзянсюэ с упрямством рвался в бой. Янь Фэйду наблюдал за скачущим по рамам зайцем и понимал: тому просто в радость эта суета.

Пусть бы ушастый тешился, как душевнее угодно — Янь Фэйду мог спокойно медитировать в тихой обители, — но картина умывания в сугробе почему-то застряла у Бессмертного в голове.

Янь Фэйду происходил из благородного рода, а оттого усвоил немало утонченных привычек. Он не терпел чужаков и избегал пышных свит из сотен слуг, однако в быту строго держался порядка. Воду пил исключительно из талого снега, собранного с лепестков, питался

редчайшими дарами земли и небес, наряды заказывал в ателье «Нефритовый Сандал и Осень», где ткани ткались из вечерних облаков, а для омовений у него имелся собственный термальный источник.

Сложив пальцы в замок, Янь Фэйду прислонился к подоконнику и, слушая звонкий смех Хана Цзянсюэ с крыши, невольно задумался:

«Неужели этот заяц совсем не моется?»

<http://bllate.org/book/20471/2111974>